

Великий и печальный утешитель

Культура. 1997. 19 июня. С. 1

Ушел Булат Окуджава. И хотя все знали, что он очень болен, смерть всегда неожиданность. Для меня его смерть — самая большая потеря за всю мою литературную жизнь.

Превратив свои стихи в прекрасные песни, мудрые, простые, человеческие, он стал поистине общенародным поэтом, преодолевшим все цензурные запреты и как бы ставшим членом семьи почти в каждом доме.

Россия, смертельно уставшая от пропагандистской жвачки, вместе с песнями Булата Окуджавы вдыхала глоток живительного кислорода. Все его песни, в том числе и гражданские, можно назвать гимном частному существованию. До Булата Окуджавы усилиями нашего официального искусства частная жизнь человека рассматривалась как нечто мелкое и даже несколько постыдное. И вдруг пришел человек, который своими песнями доказал, что все, о чем наши люди говорят на кухнях, говорят в узком кругу или думают во время ночной бессонницы, — и есть самое главное.

А думали они о судьбе нашей страны, о собственных любовных переживаниях, гадали о нашем будущем, грустили по поводу своих неудач. Чутьем поэта и музыкально необыкновенно одаренного человека, Булат Окуджава с огромным тактом и точностью попадания в душу все это почувствовал, угадал, написал и пропел. Его песням свойственна такая высочайшая лирическая интим-

ность, что даже, когда он исполнял их в переполненном зале, казалось, он напевает только тебе лично.

Как где-то сказано у Достоевского, у человека всегда должен быть дом, куда можно пойти. В самые безнадёжные времена таким домом для нас были песни Булата Окуджавы. Печаль в искусстве, которая понимает и отражает нашу жизненную печаль, есть бодрящая печаль. В этом смысле Булат Окуджава был нашим великим общенародным утешителем.

Одинокие пловцы во время кораблекрушения, мы хватались за его песни, как за спасательный круг, и окликали друг друга. И это создавало в те времена уже никогда неповторимый уют и надежду.

У искусства, в сущности, две темы: утешение и призыв. В конечном итоге и призыв есть форма утешения. Редкие призывы в песнях Булата Окуджавы тоже были формой утешения.

Лучшие его песни и проза, удивительно похожая на его стихи, навсегда останутся с нами и дойдут до будущих поколений. Таковы их высокие литературные и человеческие достоинства. Он сделал все, что мог, и тихо ушел от нас.

Прощай, Булат! Ты был с нами, и это удивительней и сильнее того, что ты ушел от нас.

Фазиль ИСКАНДЕР,
президент международной
ассоциации творческой
интеллигенции "Мир культуры"

Фото И. МЕДОВОГО

У поэта соперников нету
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
это он не о вас — о себе.

Руки тонкие к небу возносит,
жизнь и силы по капле губя.
Догорает, прощения просит:
это он не за вас — за себя.

Но когда достигает предела
и душа отлетает во тьму...
Поле пройдено. Сделано дело.
Вам решать: для чего и кому.

То ли мед, то ли горькая чаша,
то ли адский огонь, то ли храм...
Всё, что было его, — нынче ваше.
Всё для вас. Посвящается вам.

Умер Булат Окуджава. Пассажир "последнего троллейбуса" тех романтических шестидесятых, о которых вспоминают кто с горечью, кто с улыбкой. Без голоса Булата Окуджавы опустели Арбат, Москва, Россия. О Булате Шалвовиче будут скорбеть все. Он был любим, почитаем, как только может быть оценен поэт в нашей стране.

Давайте горевать и плакать откровенно,
То вместе, то поврозь, а то попеременно...
Давайте понимать друг друга с полуслова,
Чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова...

Булат Шалвович Окуджава пришел в литературу в 1956 году. За плечами человека, только что перешагнувшего тридцатилетний рубеж, остались арест родителей в 1937-м, война, на которую семнадцатилетний доброволец ушел в 1942-м, ранение, демобилизация. Сельский учитель с дипломом Тбилисско-

Булат Шалвович ОКУДЖАВА

го университета вернулся в Москву лишь в 1957-м. Вернулся, чтобы остаться с нами навсегда. Его песни сначала запела Москва, а вскоре и вся страна. Без него не было бы, пожалуй, такого Высоцкого. В шумных спорах, в борьбе различных групп и течений Булат Окуджава всегда оставался человеком индивидуальной судьбы. Самостоятельную, непривычную для многих точку зрения писатель всегда отстаивал и в своих прозаических произведениях. Его романы "Бедный Авросимов", "Путешествие дилетантов", "Свидание с Бонапартом" — тонкие и философичные. В них читателю открывается необычная и властная сила: Поэт приобщает к своему чувству, настроению, этической оценке истории.

К сожалению, единственное, что не может дать народ своему избраннику, — это вечную жизнь. Но дарует вечную память.

...Пока ночная птица не молчит,
Прощайте же! Пока рассвет синее,
Прощайте же! Знать, что-то есть сильнее,
Чем битые на сливках калачи...

В.Черномырдин, В.Юмашев, Ю.Лужков, Б.Немцов, А.Чубайс, О.Сысуев, Е.Сидоров, И.Лаптев, В.Лазуткин, А.Медведев, В.Игнатенко, Б.Ахмадулина, Г.Бакланов, Т.Бек, К.Ваншенкин, А.Битов, А.Вознесенский, М.Галай, Г.Данелия, Е.Евтушенко, О.Ефремов, Ф.Искандер, Э.Кардин, А.Кушнер, Ю.Любимов, Ю.Мориц, В.Мотыль, С.Рассадин, А.Рыбаков, С.Соловьев, М.Ульянов, О.Чухонцев, И.Шварц, М.Швыдкой, И.Шкляревский, К.Щербаков.

Последние дни

Трудно подбирать слова. Слишком близко. Слишком больно.

Он был, может быть, самым истинным, самым натуральным из всех, кого я знал, — чуждым заигрыванию с властью, показухе и суете. Самым ярким из шестидесятников. Не из поколения даже — понятие шестидесятничества, на мой взгляд, шире. Это образ мыслей, состояние души. Исповедование принципов и истин, которые обозначил Окуджава и которые можно сформулировать кратко: Совесть, Благородство и Достоинство. Будучи сам очень чистым человеком, он многим помог сохранить душу.

В последние недели его жизни судьба свела нас в Германии, куда Окуджава был приглашен Марбургским литературным об-

ществом. Мне доставляло наслаждение наблюдать за ним в эти дни. Булат Шалвович не расставался с маленьким блокнотом, куда записывал стихотворные строки. Шутил. Рассказывал истории из своей жизни. Блестяще выступил в марбургском кафе "Фетер", куда в тот вечер съехались ценители литературы со всей Германии. Его узнавали на улице, в ресторанах и кафе. Подходили, вступали в разговор. И — поразительная вещь — с любым прохожим, с любым новым знакомым он говорил так же, как до того с высокопоставленными лицами. У него не было отдельных интонаций для министра и для не облеченных чинами. Общение с ним для меня было постоянным уроком антихолоуства, наглядным примером аристократизма духа.

Приглаждался к каждому его движению, к его несуетливой манере произносить слова. Изредка, боясь спугнуть эти счастливые моменты, доставал фотоаппарат...

Расстались мы ранним солнечным утром 16 мая на кельнском железнодорожном вокзале. Помахали друг другу через коричневатое-дымчатое стекло. Поезд унес Булата Шалвовича и его жену Ольгу Владимировну в Париж, где было запланировано выступление в представительстве России в ЮНЕСКО. Ничто не предвещало беду. Но выступление не состоялось. Из-за резкого ухудшения здоровья Булат Шалвович оказался в больнице. Дало о себе знать больное сердце и недавно перенесенный грипп. Когда состояние стало критическим, его перевели в военный госпиталь Перси. Последние несколько суток он провел в реанимации. Все это время Ольга Владимировна не отходила от постели мужа. Спасти его не удалось.

Ушел великий человек двадцатого столетия. Некому теперь с грустью и улыбкой, мудростью и иронией размышлять о наших страстях, ошибках и заблуждениях, о жестокости нашей жизни, крушении идеалов, эфемерности надежд, разочарованиях и утратах, как это умел делать только он. Но Булат Окуджава пророс в нас, от мала до велика, воспитанных на его стихах и прозе и расхватавших его строки на цитаты, в нас, воспринимающих это имя как пароль, как голос собственной совести. И здесь, говоря его же словами, у поэта соперников нету...

Эти снимки — из числа последних фотографий Булата Окуджавы.
Я сделал их в Марбурге, Биденкопфе и Кельне.

Илья МЕДОВОЙ

